

Г. Г. ПЕРЕТЦ — АГЕНТ III ОТДЕЛЕНИЯ

Сообщение Н. Г. Розенблюма

Кто был агентом III Отделения в доме Герцена в Лондоне? Кто телеграфировал в Петербург о том, что возвращающийся на родину П. А. Ветошников везет деятелям революционного подполья в России письма Герцена, Огарева, Бакунина и Кельсиева? Кто в немалой степени явился непосредственным виновником ареста Чернышевского, Николая Серно-Соловьевича и других революционеров? Эти вопросы, возникшие уже почти сто лет тому назад, в сущности говоря, до сих пор оставались документально не расследованными, а потому и не могли считаться решенными с необходимой ясностью и убедительностью.

Непростительная неосторожность, допущенная при передаче писем Ветошникову в воскресный день, 6 июля 1862 г., когда дом был переполнен посторонними, осталась у Герцена, как он писал Е. В. Салиас 21 августа того же года, «незакрывающейся раной на сердце» (Герцен, т. XV, стр. 391 *). Еще несколько месяцев позже, 27 декабря в письме к Мальвиде Мейзенбург и к старшей дочери у Герцена вырываются слова: «Ради бога, поменьше знакомств <...> к черту людей!» (там же, стр. 584). Позднее Герцен писал в «Былом и думах» о Ветошникове: «Прощаясь с ним, с последним, я спокойно отправился спать, — так иногда сильно бывает ослепление — и, уж, конечно, не думал, как дорого обойдется эта минута и сколько ночей без сна она принесет мне. Все вместе было глупо и неосмотрительно до высочайшей степени... Можно было остановить Ветошникова до вторника, отправить в субботу. Зачем он не приходил утром? Да и вообще, зачем он приходил сам?.. Да и зачем мы писали?» (Герцен АН, т. XI, стр. 328).

Попытки Герцена и его друзей узнать, кто был агентом III Отделения, начались тотчас же. Подозрения пали на ряд лиц. Первый сигнал исходил от В. И. Касаткина: «Из Петербурга пишут лаконически, что Перетц — шпион», — сообщал он из Женевы Герцену 15 ноября 1862 г. («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 54). Герцен отнесся к этому сообщению недоверчиво. Впечатление, произведенное на него Г. Г. Перетцом, было благоприятное. «Знаете ли вы Г. Перетца? Он, кажется, очень хороший и образованный человек», — писал он Н. А. Серно-Соловьевичу за две недели до отъезда из Лондона Ветошникова (XV, 219). Все же Герцен не оставил вопроса о Перетце без выяснения. Где именно и у кого проверяли Герцен и его друзья сообщение Касаткина, неизвестно, но уже 5 сентября Герцен писал В. В. Стасову: «...наконец я убедился что перец чист. Странное дело для перца, что не он цпцал наш язык, а наш язык пощипал его. В Петербурге вы его непременно оправдайте» (XV, 467).

Позднее назывались и другие имена. В. И. Кельсиев в своей «Исповеди» упрекал В. И. Касаткина в том, что тот «распустил слух, что Бенни

* При дальнейших ссылках на это издание указываются только том и страницы.

и брат мой (Ив. Кельсиев) — агенты III Отделения» («Лит. наследство», т. 41-42, 1944, стр. 326). Обвинение это хоть и не связывалось с арестом Ветошникова, но, увеличивая вообще круг подозреваемых, затрудняло выявление действительного агента. Позднее Александр Серно-Соловьевич писал в памфлете «Миколка-публицист» уже про самого В. И. Кельсиева: «Уж не он ли сам и выдал-то Ветошникова?» (XV, 381). Подозревались и другие.

Все же в глазах современников и в мнении позднейших исследователей основным подозреваемым остался Г. Г. Перетц, который начал бывать у Герцена с начала июня 1862 г. Приезд его в Лондон совпал со временем открытия Всемирной выставки. Это могло служить удобной ширмой. М. К. Лемке, говоря в своих комментариях к Герцену об агентах, указывал: «Наконец, помимо спорадических осведомителей, в дом Герцена удалось ввести неизвестного пока нам агента» (XV, 380). В своей позднейшей работе «Политические процессы в России „шестидесятых“ годов» Лемке назвал имя агента: «Донес „гость“ Герцена — Г. Г. Перетц» (стр. 179). Однако, выступив со столь категорическим утверждением, Лемке никак его не аргументировал.

Что заставляло современников и позднейших исследователей предполагать, что «неизвестный агент» — это Г. Г. Перетц? Данные, на которых строились ранние подозрения современников, нам неизвестны. Доказать же основательность подозрений с документами в руках — не удавалось никому. Приведенные Лемке в комментариях к собранию сочинений Герцена выписки о Перетце из бумаг III Отделения не сделали подозрения более вескими. Да Лемке и не сопроводил приведенные им материалы никаким анализом. Правда, некоторые из выписок как будто содержат намеки на какое-то особое отношение органов политического надзора к Перетцу. Таково, например, очень глухое упоминание о портфеле с письмами, обнаруженном у Перетца при осмотре на Вержболовской таможне (XV, 385). Какие это были письма? От кого? Кому? Почему они не были «досмотрены» управляющим таможней, а беспрепятственно пропущены? Настораживают также содержание и форма донесений в Петербург лондонского агента III Отделения — отсутствие фамилии Перетца в одном списке лиц, посещавших Герцена, и добавление его имени карандашом в другом (XV, 381—382). Подозрительно и отсутствие Перетца в списке лиц, которых правительство предполагало арестовать при возвращении их из-за границы (XV, 379—380). Однако всего этого было недостаточно для точного установления истины.

В поисках доказательств Лемке обратился к А. А. Слепцову. Он, свидетельствует Лемке, «указал мне на позднейшие подозрения в отношении Перетца; это убеждение сложилось в 1866—67 гг., когда тот официально служил в 3-й экспедиции (разведочной и справочной) III Отделения, да и до того высказывалось многими, не исключая Герцена» (XV, 381).

Однако просмотренные нами «Адрес-календари» не подтверждают официальной службы Перетца в III Отделении в 1866—1867 гг. Впервые его имя указано в «Адрес-календаре» 1870 г. Служил он тогда в Департаменте общих дел Министерства внутренних дел сверхштатным чиновником особых поручений при министре. В этой же должности Перетц числится и в 1871—1872 гг. Таким образом, показание А. А. Слепцова, будто убеждение о роли, сыгранной Перетцом в выдаче Ветошникова, сложилось лишь в 1866—1867 гг. и именно вследствие официального вступления Перетца на службу в III Отделение, не получает документального подтверждения.

В действительности гласная служба Перетца в высшем учреждении политической полиции царизма падает на 1873—1877 гг., когда он со-

стоял сначала чиновником особых поручений в III Отделении, а с 1875 г. — старшим советником при главном начальнике.

Что же касается секретной службы Перетца в органах политической полиции, начавшейся много раньше, то мы о ней до сих пор почти ничего не знали. В печати, впрочем, давно уже известно одно свидетельство, относящееся к теме настоящего сообщения. Но оно осталось, насколько нам известно, незамеченным в литературе о Герцене. Мы имеем в виду весьма любопытное описание встреч с Перетцом, данное А. Ф. Кони в его книге «На жизненном пути» (изд. 3. М., 1916, т. II, стр. 348—355). Первые встречи происходили в 1859—1860 гг. у брата Перетца, который учился тогда вместе с Кони в одной гимназии. Перетц — в ту пору преподаватель русской словесности — приносил юношам «Колокол» и «Полярную звезду», проповедовал им необходимость ниспровержения государственного строя и призывал «утопить в крови существующий порядок». Прошло более десяти лет, и Кони — тогда уже прокурор — вновь встретился со старым знакомым. Перетц явился к Кони в качестве чиновника III Отделения. Начальник этого учреждения, шеф жандармов гр. П. А. Шувалов, за два дня до этого визита встретившись с Кони на приеме, сказал ему о Перетце: «Очень способный и образованный: он у меня состоит заграничным агентом по надзору за русской эмиграцией и пишет интересные и очень полезные для нас донесения».

А во время возникшего разговора Перетц сказал Кони: «Мои главные занятия за границей, а здесь я занят мало... Для меня же здесь, в Петербурге, нет теперь серьезной задачи. Иное дело руководить надзором за этими заграничными негодьями, которые устроились удобно и

Список				
Аристантия, содержащаяся в доме Александровского равнина (Петербургской при писки.				
Август 1862 года				
Имя	Пол	В каком состоянии находится	В каком состоянии находится	В каком состоянии находится
1. Перетц, Александровский	м.	в	в	в
2. Александровский	м.	в	в	в
3. Александровский	м.	в	в	в
4. Александровский	м.	в	в	в
5. Александровский	м.	в	в	в
6. Александровский	м.	в	в	в
7. Александровский	м.	в	в	в

СПИСОК ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ, НАХОДИВШИХСЯ
В АЛЕКСЕЕВСКОМ РАВЕЛИНЕ
1 АВГУСТА 1862 г.

Лист первый

Второй, третий и четвертый в списке:
П. А. Ветовников, Н. Г. Чернышевский и Н. А. Серно-Соловьевич

Центральный исторический архив,
Москва

безопасно и подстрекают несчастную молодежь идти на революционные затеи и погибать затем в ссылке и на каторге. Вот с кем надо бороться и кого не следовало бы щадить».

В ответ на выраженное Кони удивление такой «переменой взглядов», Перетц сослался на то, что в период их первых встреч он «был молод, увлекался», на что последовала весьма ядовитая реплика Кони, что Перетцу тогда было «весьма за тридцать лет» (в действительности Перетцу было в 1859—1860-х годах почти сорок лет: он родился в 1823 г.).

Хотя в рассказе Кони ничего не говорится о роли, сыгранной Перетцом в 1862 г. в лондонском доме Герцена, но созданный пронизательным мемуаристом образ двуличного негодяя психологически подкрепляет веру в основательность сложившихся вокруг имени Перетца подозрений.

Публикуемые нами новые архивные материалы также не относятся непосредственно к событиям 1862 г. И все же содержащиеся в них сведения впервые полностью подтверждают обоснованность давно возникшей догадки о непосредственном виновнике тяжелейшего провала русского революционного центра в 1862 г. Убедительность основного вывода о роли Перетца в этих трагических событиях следует из того впервые документально устанавливаемого факта, что уже в 1863 г. III Отделение числило Перетца среди своих секретных агентов, причем — что очень важно — не новичком, а таким, которым уже поручались ответственные и сложные дела политического розыска.

Мы публикуем четыре документа: две докладные записки Г. Г. Перетца 1864 г. о деятельности «Комитета грамотности» и «Общества женского труда» и два препроводительных отношения того же 1864 г. одного из руководящих чиновников III Отделения, тайного советника А. К. Гедерштерна на имя шефа жандармов кн. В. А. Долгорукова. В первом из названных «отношений», от 23 апреля, прямо сказано «агент наш Перетц», во втором, от 29 апреля, Перетц скрыт под буквой «П», которая расшифровывается указанием, что она скрывает секретаря Общества грамотности, внедренного туда III Отделением. В препроводительной записке от 23 апреля Гедерштерн отмечает, что работа, отчет о которой Перетц представляет в своем докладе, была ему поручена еще в ноябре 1863 г. и потребовала пятимесячного труда.

Прежде чем перейти к характеристике докладных записок Перетца об исполненных им двух поручениях, отметим, что из публикуемых бумаг явствует, что еще в 1863 г. Перетц был непосредственным помощником Гедерштерна. А в центре внимания Гедерштерна находилось наблюдение за лондонским центром издателей «Колокола». Этим делом Гедерштерн стал заниматься в 1857—1858 гг., что тогда же было замечено Герценом, писавшим в л. 23-24 «Колокола» от 15 сентября 1858 г. «Предостережения»: «Старший чиновник III Отделения действительный статский советник Гедерштерн путешествует по Европе с *специально-учеными целями*» (IX, 341). О нем же 18 сентября того же года он сообщал М. К. Рейхель: «III Отделение прислало сюда статского советника Гедерштерна присмотреть, как бы подкузмить „Колокол“ и узнать, кто доставляет вести. Я о его приезде напечатал» (IX, 337).

Не станем утверждать, что это одно уже служит доказательством того, что и годом раньше, в 1862 г., Перетц работал в Лондоне по заданию Гедерштерна, но упускать этого из виду не следует. Укажем также, что еще в августе 1861 г. статс-секретарь В. П. Бутков в письме из Парижа шефу жандармов В. А. Долгорукову осуждал повторную посылку Гедерштерна за границу для «собрания сведений относительно Герцена и русских выходцев» и советовал «послать для этого лицо частное, к III Отделению не принадлежащее», так как в этом случае «не так скоро узнали бы о цели командировки» («Лит. наследство», т. 63, 1956, стр.

310). Не приняло ли III Отделение во внимание этот совет влиятельного государственного деятеля и не нашло ли оно такого человека в лице Г. Г. Перетца?

Ради каких целей Перетц стал членом Комитета грамотности, а потом секретарем бюро этого Комитета, нам теперь известно. Его направило туда III Отделение. Если мы обратимся к изданию «Занятия Комитета грамотности» 1860-х годов, выпускавшемуся в виде прибавлений к «Трудам Вольного экономического общества», то мы найдем много любопытного относительно поведения Перетца в Комитете. Он был, оказывается, не только весьма активным, но и подчеркнуто «прогрессивным» членом. Это создавало ему постепенно известность и признание членов Комитета, что выражалось ростом подаваемых за него из года в год голосов при выборах.

Впервые Перетц, еще в качестве гостя, участвовал на заседании Комитета 28 ноября 1863 г. Он выступил по вопросу об организации бесплатной школы для сельских учительниц, заявив, в частности, о своем согласии преподавать (безвозмездно) русский язык в этой школе, а также принять участие в обследовании женских училищ в целях выявления необходимой им помощи и пособий («Занятия Комитета грамотности», 1863, вып. VIII, стр. 344—351). 14 апреля 1864 г. он был избран секретарем бюро и состоял им до 1867 г. включительно (там же, 1864, вып. IV, стр. 197—198).

На заседании 13 октября 1864 г. он восстал против предложения о закрытом устройстве школы сельских учительниц. Они, — говорил он, — должны быть совершенно самостоятельны в жизни, следовательно и школа должна приучить их к самостоятельности, а не водить на помочах (там же, 1864, вып. VI, стр. 72). Шесть раз на экстраординарном заседании 20 октября 1864 г. он выступал, настаивал и добился того, чтобы был отклонен проект введения домашнего контроля над чтением учащихся школы сельских учительниц (там же, стр. 83). Тогда же он был избран вместе с П. Г. Редкиным и А. Н. Беляевым в члены Педагогического совета.

Позднее, на заседании 14 декабря 1865 г. Перетц (докладчик сметы на 1866 г.) требует увеличения статьи расхода на бесплатную рассылку книг (там же, 1865, вып. II, стр. 124), той бесплатной рассылки книг, о которой он за два года до этого писал в своей докладной записке, что она дает возможность «под прикрытием дела грамотности успешно вести и организовать обширный заговор».

После 1867 г. Перетц уже не состоит членом бюро, но участие в работе Комитета продолжает принимать. В 1871 г. он избирается в комиссию, которой поручается договориться с Исаковым об уступке Комитету права издания избранных, доступных народу сочинений Пушкина (Д. Д. Протопопов. История С.-Петербургского комитета грамотности. 1861—1895. СПб., 1898, стр. 208). В том же году он был введен в комиссию по присуждению золотых медалей Вольного экономического общества за лучшую книгу для народа (там же, стр. 305—306).

Такова одна, явная, сторона деятельности Перетца в Комитете грамотности — деятельности под маской защитника интересов народа.

Чтобы познакомиться с другой, утаенной стороной его деятельности — деятельности секретного агента III Отделения, обратимся к публикуемой ниже докладной записке Перетца о занятиях Комитета. Суть этого документа определяется содержащейся в ней полицейской характеристикой бюро Комитета как центра, «около которого группируется обширная организация, раскинутая по всей России». Эта «организация», по мнению агента, может «под прикрытием дела грамотности успешно вести и организовать обширный заговор». Отсюда делается вывод о необходимо-

сти подчинить деятельность Комитета «постоянному и бдительному надзору».

При чтении доклада Перетца начальник III Отделения Долгоруков обратил внимание на слова о «разнохарактерности» состава бюро и таившейся в этом опасности. Из восьми приведенных Перетцом фамилий Долгоруков подчеркнул четыре. Он прошел мимо фамилий С. С. Лошкарева (чиновника особых поручений при министре государственных имуществ) и Н. А. Ермакова (начальника отделения Министерства внутренних дел), мимо В. Д. Скарятин (редактора-издателя реакционного журнала «Весть») и, наконец, мимо самого Перетца. Другие же четыре фамилии Долгоруков подчеркнул, а именно: М. Я. Ростовцева (посещавшего Герцена в Лондоне, бывшего в 1862 г. под арестом и уволенного тогда же в отставку), Г. Д. Корибут-Кубитовича (секретаря Генерального штаба Главного управления военно-учебных заведений, переводчика с немецкого языка книг по военным вопросам), О. И. Паульсона (педагога, составителя «Книги для чтения», основателя журнала «Учитель») и Д. А. Кропотова (редактора журнала «Чтение для солдат», привлекавшегося в 1849 г. по делу Петрашевского). Деятельность этих четырех в Комитете грамотности III Отделение сочло, очевидно, нужным взять под наблюдение.

Еще любопытнее вторая публикуемая записка Перетца о вновь учреждаемом Обществе женского труда, которое после ряда бурных заседаний закрылось еще прежде официального его открытия. Препроводительное отношение Гедерштерна на имя Долгорукова говорит о том, что Перетц использовал свое секретарство в Комитете грамотности и успел узнать о проектируемом Обществе женского труда, куда III Отделение предложило ему записаться членом. Гедерштерн отмечает близость отношений Перетца с М. Я. Ростовцевым, предполагая, по-видимому, возможность использовать эту близость в будущем.

В своей записке Перетц старается убедить III Отделение, что задуманное Лавровым и Елисеевым Общество женского труда, ставящее своей задачей применение на практике идей Чернышевского и Михайлова, «дает возможность под покровом благотворительности проводить идеи политические и социальные самого опасного характера». Он пугает III Отделение возможностью «устраивать под именем артелей общие мастерские, которым легко сообщить коммунистическое направление».

Перетц указывает на важность «присутствия надежного лица в исполнительном или хотя бы контрольном отделении» Общества. По его мнению, это «могло бы не только отвратить опасность», но и послужить к «раскрытию других планов злоумышленников».

Е. И. Жуковская-Ценина вспоминает, как А. К. Кривошеин, будущий министр, учредитель и один из активных членов предполагавшегося Общества женского труда, запугал учредителей, А. П. Философову и В. Н. Ростовцеву, «грозным призраком какого-то неподобающего заговора против существующего порядка, задуманного Лавровым под видом организации женского труда», а позднее, на собрании исключенных членов, стоявших близко к «Современнику» и «Русскому слову», «решился обвинить присутствовавших в лицо в намерении произвести переворот „организациею женского труда“» (сб. «Памяти А. П. Философовой», 1915, т. II, стр. 23—25). Очень возможно, что испуг Кривошеина явился отзвуком докладной записки Перетца, или, точнее говоря, того впечатления, которое она могла произвести на руководителя ведомства политической полиции. Вряд ли можно сомневаться, что эта записка сыграла свою роль в закрытии Общества.

Слова Перетца: «Для меня же здесь, в Петербурге, нет теперь серьезной задачи», сказанные им позднее, в 1872 г., А. Ф. Кони, дают право

предположить, что Перетц, может быть, имел отношение не только к Комитету грамотности и Обществу женского труда, но и к каким-либо другим политическим делам 1860-х годов. В. Я. Богучарский в «Материалах для истории революционного движения в России в 60-х годах» приводит слова сенатора Жданова: «Мы, слава богу, обзавелись верными людьми, теперь наша полиция не уступит наполеоновской: у нас и в вагонах по железной дороге и за границей есть свои люди. Вот Чернышевский, хотя умный каналья и язвительно смеется, а запрятали. Мы вот тоже окружили глазами и ушами Антоновича с Елисеевым, не отвертятся!» (стр. 145). Не думал ли Жданов, в частности, и о Перетце, пристально следившем за Елисеевым?

Остается сказать еще несколько слов о роли Перетца в доме Герцена. Публикуемые документы не содержат прямых указаний на то, что Перетц в 1862 г. был послан в Лондон III Отделением. Но теперь мы достоверно знаем, что связь Перетца с политической полицией возникла не в 1866—1867 гг. и не в 1872 г., а в начале 1860-х годов, что уже осенью 1863 г. Перетц был тайным агентом III Отделения, и не рядовым, а таким, которому была поручена сложная и длительная работа. Все эти факты сильно подкрепляют предположение о его участии в деле Ветшеникова.

Зловещая фигура Перетца, человека двойной роли: знакомого и собеседника Герцена и защитника интересов простых людей в Комитете грамотности, с одной стороны, а с другой — тайного агента III Отделения, не только следящего, но пытающегося оклеветать тех, за кем он следит, фигура эта встает со страниц его докладных записок во весь рост.

Быть может, позднейшие изыскания дадут возможность расшифровать сказанное им А. Ф. Кони, выявить, что крылось под его словами, что для него в Петербурге «нет теперь серьезной задачи», пролить свет на его «задачи» 1860-х годов и установить тем самым список еще не известных нам жертв Перетца.

1

А. К. ГЕДЕРШТЕРН * — В. А. ДОЛГОРУКОВУ

23 апреля 1864 г.

Весьма секретно

В ноябре месяце прошлого 1863 года агент наш Перетц вступил в число членов Комитета грамотности, учрежденного при Вольном экономическом обществе¹, и в течение 5-ти месяцев, проследив внимательно его занятия, вполне ознакомился с его организацией и деятельностью, которые заслуживают особенного внимания.

Дней десять тому назад Перетц был выбран в секретари этого Общества, и вследствие сего ему поручено было сообщить некоторые подробности о нем, что он и исполнил. Сведения эти изложены в представляемой у сего записке. Они будут пополняемы им по мере необходимости.

2

ЗАПИСКА Г. Г. ПЕРЕТЦА

Секретно

Комитет грамотности состоит из трехсот почти членов, сотрудников и корреспондентов и поддерживает через них постоянные сношения с 45 или 50 губерниями. Главные цели Комитета составляют: поддержание

* Авторство Гедерштерна устанавливается сравнением почерка.— Н. Р

существующих школ и содействие открытию новых, приготовление и доставление сельских учителей и учительниц, указание лучших книг для школ и для народа, содействие их изданию популярных сочинений и понижение их цены, устройство в провинции и особенно по селам книжных складов, наконец снабжение бедных школ книгами безденежно. Не все цели достигаются с одинаковым успехом: в последнее время особенное развитие получили устройство книжных складов и безденежная рассылка книг. Еще в 1863 году считалось около 40 складов; теперь же число их, без сомнения, перешло за 50, рассеянных преимущественно по отдаленным губерниям Европейской России и частью даже по Сибири. Рассылка книг возрастает в громадных размерах: в 1861 г. (первый год существования Комитета грамотности) разослано только 800 книг, в 1862 г. — 5 000, а в 1863 г. — 14 000 книг, и все это количество даром, так как книги, высланные за деньги, не входят в это число.

Делами Комитета грамотности заведует бюро, состоящее из председателя, двух товарищей и четырех секретарей. В руках этого бюро сосредоточена вся деятельность: оно поддерживает постоянные сношения с членами и корреспондентами, рассеянными по всей почти России, оно ведет переписку и расчеты с складами и снабжает их книгами; оно выбирает и покупает книги, оно же рассылает их по своему усмотрению. Таким образом это малочисленное бюро составляет центр, около которого группируется обширная организация, раскинутая по всей России. Нечего и говорить, что при таком устройстве Комитета бюро, составленное из людей неблагонамеренных, могло бы под прикрытием дела грамотности успешно вести и организовать обширный заговор, охватывающий почти все губернии и области империи.

Члены Комитета грамотности были недовольны прежним составом бюро, бывшего под председательством действительного статского совет-

«ПРОЩАНИЕ С ЕВРОПОЙ»

Эскиз маслом А. Соха чешского к его одноименной картине, 1863—1882 гг.

На переднем плане Анна Гудзинская, участница польского освободительного движения 1860-х гг., приговоренная к каторжным работам

Исторический музей, Варшава

АЛЕКСАНДР СОХАЧЕВСКИЙ

Автопортрет художника, эскиз
маслом, 1863—1882 гг.

Исторический музей, Варшава

ника Сергея Сергеевича Лошкарева, и обвиняли его в недостатке энергии и деятельности; поэтому на выборах в общем собрании 14 апреля старые члены бюро были забаллотированы и на место их выбраны новые. Теперь состав бюро следующий: председатель — Николай Андреевич Ермаков (начальник отделения в Министерстве внутренних дел); товарищи председателя: граф Михаил Яковлевич *Ростовцев* * и Скарятин, издатель и редактор журнала «Весть»; секретари — Г. Д. *Корибут-Кубитович*, офицер Генерального штаба, Осип Иванович *Паульсон*, издатель и редактор журнала «Учитель», Григорий Григорьевич Перетц, сотрудник журнала «Северная почта» и учитель русской словесности, и полковник *Кропотов*, помощник военного цензора. По недавности избрания нового бюро определить характер и направление его деятельности считается покуда невозможным; вообще же нельзя не заметить разнохарактерности его состава.

При существовавшем до сих пор направлении его деятельности Комитет грамотности, принося пользу делу просвещения, оставался совершенно безвредным в отношении политическом; но устройство его таково,

* Фамилии подчеркнуты начальником III Отделения В. А. Долгоруковым и им же отчеркнуты на полях фраза: «Нечего и говорить <...> области империи», а также последний абзац записки. — Н. Р.

что дает все средства для самой широкой и опасной политической пропаганды. Поэтому казалось бы возможным сохранить его существование, подчинив его постоянному и бдительному надзору.

23 апреля 1864 г.

3

А. К. ГЕДЕРШТЕРН — В. А. ДОЛГОРУКОВУ

29 апреля 1864 г.

В е с ь м а с е к р е т н о

Бюро Комитета грамотности собирается обыкновенно по понедельникам для обсуждения некоторых вопросов в квартире графа Михаила Яковлевича *Ростовцева*. Агент наш П<еретц> в качестве одного из 4-х секретарей постоянно присутствует. Третьего дня граф Ростовцев, оставляющий каждый раз всех ужинать, разговорился с нашим агентом и, похвалив его за сочувствие всем хорошим предприятиям, предложил ему вступить членом учреждаемого Общества женского труда, со внесением 12 рублей серебром, причем граф Ростовцев вручил ему прилагаемый у сего устав Общества, долженствующий на днях быть утвержденным. К уставу этому сзади пришит белый лист для желающих записаться в члены Общества². Граф Ростовцев хотел заехать завтра к П<еретцу>, чтобы, отдав ему визит, получить обратно этот устав и узнать, согласен ли он быть членом Общества.

Агент, собрав ближайшие, по возможности, сведения об Обществе, сообщил таковые в прилагаемой у сего записке. Ему поручено записаться членом Общества и иметь за деятельностью его наблюдение.

Устав Общества желает он получить обратно не позже завтрашнего утра.

В разговоре с графом М. Я. Ростовцевым о некоторых событиях 1862 года сей последний коснулся между прочим его и брата его посещения Герцена и говорил: «Я и брат — мы единственные патентованные русские, которых уволили в отставку за то, что мы бывали у Герцена»³.

4

ЗАПИСКА Г. Г. ПЕРЕТЦА

С е к р е т н о

Весною 1862 года под влиянием сильно распространенных в то время идей об эмансипации женщин, пущенных в ход *Михайловым* и *Чернышевским*, литераторы полковник *Лавров* и *Елисеев* задумали основать Общество женского труда. События, ознаменовавшие лето этого года, — арест *Чернышевского* и *Серно-Соловьевича*, закрытие шахматного клуба⁴ и воскресных школ⁵ и особенно благодетельные изменения общественного мнения побудили отсрочить выполнение задуманного плана; но в 1863 году мысль, оставленная на время, возникла с новою силою. Роман *Чернышевского* «Что делать?» снова поднял вопросы об эмансипации женщин и об устройстве общих мастерских на коммунистических началах. Елисеев и Лавров воспользовались этим обстоятельством и возобновили свой план, встретивший сочувствие в известном кружке⁶. Они составили проект устава, напечатанный в значительном числе экземпляров и вызвавший сочувствие некоторых журналов, особенно «Современника» и «Русского слова». В настоящее время проект этот поступил уже на рассмотрение Министерства внутренних дел.

Устав вновь возникающего Общества указывает на затруднительное положение женщин, для которых «большая часть занятий закрыты не по

неспособности их к ним, а по непривычке видеть женщину на месте, обыкновенно занимаемом мужчиною». Для облегчения такого положения Общество поставляет себе целью:

- 1) Доставлять женщинам труд.
- 2) Изыскивать такие сферы деятельности, где женский труд может быть полезен так же или даже более, чем мужской.
- 3) Ходатайствовать о допущении женщин к таким родам деятельности.
- 4) Приглашать женщин составлять *артели* для различных предприятий и содействовать устройству этих артелей.
- 5) Доставлять участницам Общества средства изучать те предметы, которыми они желают заняться с какою-либо практической целью.
- 6) Открывать торговые и промышленные заведения.
- 7) Выдавать пособия нуждающимся женщинам — членам Общества.

Организация Общества следующая: оно состоит из неопределенного числа членов, как мужчин, так и женщин, которые составляют общее собрание, созываемое три раза в год. Наружным главою Общества представляется почетный президент, в помощь которому избирают ежегодно вице-президента; но заведование делами Общества и сообщение ему определенного направления зависит исключительно от исполнительного отделения.

Общее собрание избирает председателя этого отделения, который сам избирает 11 членов, только утверждаемых собранием. Таким образом председатель может составить отделение исключительно из людей, ему единомышленных, и беспрепятственно вести дела к задуманной цели. Такая организация, несмотря на контроль шести членов, назначаемых общим собранием, дает возможность под покровом благотворительности проводить идеи политические и социальные самого опасного характера.

Эти опасения подтверждаются самою целью Общества, предполагающего устраивать под именем артелей общие мастерские, которым легко сообщить коммунистическое направление и которые, естественно, сделаются средством для революционной пропаганды даже в рабочем классе и послушным орудием в руках ловких агитаторов.

Все эти соображения побуждают обратить особенное внимание на вновь учреждаемое Общество и приискать средства для ближайшего надзора за его деятельностью. Присутствие надежного лица в исполнительном или хотя бы контрольном отделении могло бы не только отвратить опасность, но даже, быть может, послужить к раскрытию других планов злоумышленников.

29 апреля 1864 г.

ЦГИАЛ, ф. 930, ед. хр. 17, лл. 7—12, 14—14 об.—Обе докладные записки Перетца переписаны рукою Гедерштерна.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Петербургский комитет грамотности при имп. Вольном экономическом обществе был образован в 1861 г. и существовал до 1895 г., когда перешел в ведение Министерства народного просвещения. Отчеты о деятельности его выходили периодически. В 1871 г. вышел обзор за десять лет, в 1881 г. С. Миропольским был дан обзор за 1861—1881 гг. В 1898 г. вышла «История С.-Петербургского комитета грамотности. 1861—1895», составленная Д. Д. Протопоповым. В 1863 г. начали издаваться особые приложения при «Трудах Вольного экономического общества» — «Занятия Комитета грамотности». Они выходили по 1869 г. и являлись, по существу, журналом заседаний.

² Впервые вопрос об Обществе женского труда был затронут в майской книжке «Современника» 1863 г. («Внутреннее обозрение», стр. 196—200). Там же были указаны основные пункты деятельности проектируемого Общества. Осенью того же года вышла брошюра «По поводу проектированного Общества женского труда». Автором ее был

будущий министр путей сообщения А. К. Кривошеин, который писал: «Некоторые лица в Петербурге, побуждаемые настоятельной необходимостью улучшить социальное положение и устроить на более прочных началах экономический быт женщин в России, задумали составить для этой цели особое общество под именем „Общества женского труда“». В последних числах декабря 1863 г. вышли «Общие основания проекта устава „Общества женского труда“» (подробно об Обществе см.: Е. А. Штакеншнейдер. *Дневник и записки*. М.—Л., 1934, стр. 349—356; В. В. Стасов. *Надежда Васильевна Стасова*. Воспоминания и очерки. 1899, стр. 68—69; сб. «Памяти А. П. Философовой», 1915, т. I, стр. 125—134; т. II, стр. 21—25; А. В. Никитенко. *Дневник*. 1955, т. II, стр. 400, 500, 502).

После ряда бурных заседаний «утвердители положили», — по выражению Никитенко, — «приостановить открытия». Произошло это уже в 1865 г.

³ Флигель-адъютант М. Я. Ростовцев и его брат Н. Я. Ростовцев были 3 июня 1862 г. арестованы и 8 июня уволены в отставку. Причина: поездка обоих к Герцену в целях реабилитации покойного отца, Я. И. Ростовцева, доносчика на декабристов. На арест братьев повлияли несколько и петербургские пожары, обострившие обстановку. Никитенко тогда же записал в своем «Дневнике»: «Флигель-адъютант граф Ростовцев арестован. Очевидно существует какой-то заговор, ветви которого распространены далеко. Бедная Россия! Каким хаосом тебе угрожают» («Дневник», т. II, 1955, стр. 278). Позднее, в ноябре 1862 г., увольнение Ростовцевых было разрешено считать «по прошению и с мундиром».

Отношение консервативных кругов общества к аресту Ростовцевых отражено в неопубликованном письме М. Г. Карташевской к В. С. Аксаковой от 10 июня 1862 г., в котором, говоря о петербургских пожарах, она писала: «Все это творение Герцена, его любви к России. Оно и забавно сидеть в Англии и сатанински подстрекать молодое поколение без всякой для себя опасности. Оно и всегда лучше обеспечить себя да и губить других. Вот и Ростовцевы не пренебрегали никакими выгодами и почестями, которые получали от правительства, чтобы потом вместе с Герценом исподтишка затеять козни...» (ИРЛИ, 1065. XVI, с. 12, лл. 60—61).

⁴ Шахматный клуб, открытый в январе 1862 г., был закрыт уже в июне того же года, сейчас же после петербургских пожаров. В объявлении петербургского военного генерал-губернатора, опубликованном в № 126 «Русского инвалида» от 8 июня 1862 г., было сказано, что клуб закрывается «впредь до усмотрения», поскольку в нем «происходят» и из него «распространяются неосновательные суждения».

Современники по-разному определяли цели клуба, одни считали его просто литературным клубом (Л. Ф. Пантилеев. *Воспоминания прошлого*. М.—Л., 1934, стр. 223—224), другие, в том числе III Отделение, видели в нем место встреч революционеров. Это же освещение получал вопрос о Шахматном клубе и в докладе шефа жандармов парю от 27 апреля 1862 г. («Процесс Чернышевского». Саратов, 1939, стр. 16—17). Агентурное наблюдение за деятельностью клуба велось с первого же дня. Туда III Отделением был направлен ряд агентов. Мы знаем трех: Волгина, Вельяшева, Волокитина («Материалы для биографии П. Л. Лаврова», вып. I, 1921, стр. 78.— «Красный архив», 1926, № 14, стр. 107—118). Был ли III Отделением направлен туда Перетц и был ли он членом клуба — неизвестно. В первоначальном списке намечавшихся будущих членов, охватившем сто человек, его нет, но число членов позднее достигло двухсот.

Позднейшие исследователи (А. А. Шилов, М. К. Лемке) несколько недооценивали роль Шахматного клуба; причина лежала в самих донесениях агентов, весьма легких и не дававших того, что хотело бы знать о клубе III Отделение. Напротив того, новейший исследователь, Р. А. Таубин, подчеркивает конспиративно-революционное значение клуба. В исследовании «К вопросу о роли Н. Г. Чернышевского в создании революционной партии» в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в.» («Исторические записки», № 39, 1952) Р. А. Таубин пришел к выводу, что клуб был «штаб-квартирой для свиданий активных деятелей революционного подполья» и что он «облегчил работу по сколачиванию тайного общества „Земля и воля“, явившись ширмой для свиданий, переговоров, сближения, связи различных политических кружков и направлений» (стр. 92 и 95).

⁵ Воскресные школы, возникшие впервые в 1859 г. и получившие широкое распространение в последующие годы, были в середине 1862 г. «временно» закрыты. О воскресных школах см.: 1) Р. А. Таубин. *Революционная пропаганда в воскресных школах России в 1860—1862 гг.* — «Вопросы истории», 1956, № 8; 2) Я. Д. Пичуренко. *К вопросу о роли воскресных школ в буржуазно-демократическом освободительном движении России в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века.* — «Советская педагогика», 1954, № 5; 3) Г. И. Ионов. *Воскресные школы в годы первой революционной ситуации (1859—1861).* — «Исторические записки», № 57, 1956.

Имеется неопубликованное письмо А. В. Головинина к П. А. Валуеву, не датированное, но написанное, несомненно, незадолго до запрещения воскресных школ, в котором он писал: «Сейчас получил вашу записку о воскресных школах, почтеннейший Петр Александрович. Я весьма желал бы, чтоб следствие было произведено самое строгое и притом самыми способными чиновниками, дабы виновные были открыты и

можно было немедленно наказать их по суду и придать делу тогда всевозможную гласность. Мне нужно иметь возможность доказать фактами, что если министерство просвещения не покровительствует воскресным школам, то это потому, что они употребляются как орудия вредной пропаганды. Преданный Г о л о в н и н (ЦГИАЛ, ф. 908. оп. 1, ед. хр. 61, л. 57).

В вопросе об инициаторах и составителях проекта Общества женского труда имеются разногласия. В. В. Стасов в книге «Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки» (стр. 68—69), ссылаясь на Е. А. Штакеншнейдер, называет таковыми П. Л. Лаврова и А. К. Кривошеина. Сама Е. А. Штакеншнейдер в «Дневнике», правда, упоминает тех же лиц, но в отношении Кривошеина ограничивается словами, что проект устава выработан Лавровым в сотрудничестве с А. Н. Энгельгардт «по просьбе Кривошеина» (стр. 349). Тех же составителей проекта и инициаторов организации Общества, Лаврова и Кривошеина, называет А. В. Тыркова в сб. «Памяти А. П. Филосововой» (т. I, стр. 126). В отличие от всех этих свидетельств, А. В. Никитенко в записи от 27 февраля 1865 г. называет инициаторами Лаврова, Антоновича и Елисеева («Дневник», цит. изд., т. II, стр. 500).

А. А. Шилов в «Материалах для биографии П. Л. Лаврова» приводит донесение агента III Отделения об организации Общества женского труда, в котором тот инициаторами и составителями проекта называет Лаврова и Елисеева (стр. 86), то есть повторяет запись Никитенко. Исходя из неверного представления, что в 1860-х годах донесением агентов III Отделения «не выходили из пределов данных наружного наблюдения или сообщений о толках и слухах» и что «никакой внутренней агентуры» в то время «не существовало», как «не существовало и настоящих секретных сотрудников», А. А. Шилов делает необоснованный вывод, что совпадение записи Никитенко с донесением агента не случайно и имеет своим источником «ходившие по городу слухи» («Красный архив», 1926, № 14, стр. 85 и «Материалы», стр. 87).

Публикуемая докладная записка Перетца от 29 апреля 1864 г. снова повторяет запись Никитенко и тем колеблет мнение А. А. Шилова, что источником донесений и записи Никитенко были одни городские слухи. Любопытно, что в данном случае совпадает не только содержание и упоминание имени Елисеева, но и само изложение истории создания Общества. Перетц писал: «Весною 1862 г. ... задумали основать ... побудили отсрочить... в 1863 году мысль ... возникла с новою силою...». Никитенко заносит в свой «Дневник»: «Они уже давно собирались составить общество»... «опять хотели было прибегнуть к недостойной уловке...». Не вернее ли искать источник сходства записи Никитенко с донесениями агентов не в городских слухах, а в давнишних, еще со студенческой скамьи, приятельских отношениях Никитенко с Федерштерном.

Надо думать, что сведения Перетца были точны: он почерпнул их из первоисточника. Основные пункты проекта в майской книжке «Современника» (май 1863 г.) и «Общие основания проекта устава Общества женского труда» (декабрь 1863 г.) были, очевидно, составлены при участии Елисеева, а А. К. Кривошеин был, как известно, автором брошюры «По поводу проектированного Общества женского труда», дозволенной цензурой 29 августа 1863 г. и вышедшей осенью того же года.